

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ О СЛАВЯНСКОЙ ИДЕЕ*

Анна Александровна Доронина

Стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога.

Аспирант Школы философии.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики».

Российская Федерация, 105066, Москва,

ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4.

E-mail: adoronina@hse.ru

Аннотация. В статье рассматривается концептуализация понятия «славянская идея» Вяч. Ивановым. Выявляются основные критерии понимания им славянства. Делается попытка показать философский характер понятия «славянская идея» и найти основание для философской интерпретации его Вяч. Ивановым. Отдельное внимание уделяется особенностям понимания им славянского братства, расхождению его позиций со взглядами неославянофилов. В статье также обсуждаются некоторые методологические подходы мыслителя и демонстрируется включенность концепта «славянская идея» в его общую культурно-философскую систему.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, славянская идея, реалистический символизм, славянское возрождение, неославянофильство

Ссылка для цитирования: Доронина А. А. Вячеслав Иванов о славянской идее // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2020. Т. 3, № 4. С. 158–166.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-158-166

Одним из наиболее интересных в культурно-философском отношении вопросов, занимающих в творчестве Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) особое место, является следующий: каким образом философ концептуализирует славянство — есть ли в этом что-то особенное, отличное от идей и концепций предшественников, и каким образом следует прочитывать его идеи о славянском братстве?

Современники вспоминали, что отношение Иванова к вопросам славянства было неоднозначным, поэтому сегодня перед исследователем стоит сложная задача интерпретации, регламентированная строгим следованием его идеям, не

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

позволяющая отклониться в какую бы то ни было сторону (по политическим или иным мотивам) (Иванов, 1985). Нам представляется, что проблему славянства едва ли можно рассматривать отдельно от философских взглядов Иванова.

Творчество выдающегося отечественного мыслителя представляется исследователям очень целостным. Можно констатировать, что органичность как теоретических, так и поэтических работ является одной из главных черт, присущих его творчеству. Однако культурфилософские идеи Иванова распределены по многим текстам, и так называемых программных статей, которые ограничивались бы весьма определенным кругом вопросов, у него практически нет. Исходя из этого, можно сказать, что любое произведение автора (при известной доле внимательности и вдумчивости читателя) может стать ответом на любой вопрос по его творчеству. Это не значит, что Иванов ограничен, дело в том, что у него все взаимообусловлено. Сложность заключается еще и в том, что он редко занимается самоинтерпретацией. Язык его очень ярок и выразителен, однако зачастую иносказателен и скрывает в себе несколько слоев смыслов.

Таким образом, мы выделяем две герменевтические задачи в отношении прочтения текстов Иванова. Во-первых, аналитическая — исследователь должен разделить и «проявить» его идеи в каждом из текстов. Во-вторых, интерпретационная — нужно взять на себя ответственность за толкование текста, чтобы увидеть в нем скрытые от поверхностного взгляда смыслы. Конечно, такие цели выглядят достаточно общими и стоят перед каждым, кто берется за философский текст. Особенность случая Иванова состоит в том, что его работы не сводимы только к философскому письму, публицистике, художественно-поэтическому жанру. Они многослойны и многоплановы.

Близкому другу Иванова польско-российскому филологу Ф. Ф. Зелинскому принадлежит термин «славянское возрождение», смысл которого заключается, по его мнению, в «возрождении классической античности, материнской почвы его [европейского мира. — А. Д.] культуры» (Зелинский, 2002: 225). «Одним из величайших первопроходцев» этого славянского возрождения Зелинский называет Иванова — поэта с «самой распространенной в России фамилией» и наиболее «славянофильским» именем (Там же: 256). «Лицо просвещенного “западного” славянофила» подмечает у Иванова и его студент в Бакинском университете М. Альтман, подчеркивая удивительное сочетание в личности поэта западничества и славянофильства (Альтман, 1995: 13).

Если обратиться к содержанию его текстов, нетрудно заметить, что Иванов остается равным самому себе в любом произведении. То, что оказывается основополагающим в его философии искусства, остается принципиальным и в других областях, далеких от этой теории. Это можно охарактеризовать как стремление мыслителя во всем идти до конца, как попытку найти предельное основание любой теории.

Таким основанием для каждой сферы своего творчества Иванов устанавливает религию, понятую, однако, не в смысле той или иной конфессии, а в качестве «связи всего сущего и смысла всяческой жизни» (Иванов, 1974: 536). Религия есть то, что выражает в посюстороннем мире наиболее сложную для понимания вещь: сверхличную и сверхчувственную связь сущего. В любом отношении человеческой деятельности должна быть найдена и установлена религиозная составляющая, которая по сути является не чем иным, как «более действительной действительностью», или *ens realissimum* (Там же: 552).

Основанием для объединения славянских народов у Иванова оказывается не язык (как у В. И. Ламанского¹), и не православие (как у славянофилов), и не кровность родства, а духовные основы славянства, потому что именно они выступают объединяющим фактором.

На самом деле идеи Зелинского и Иванова о славянском возрождении во многом связаны с их представлениями об эллинстве и варварстве. С одной стороны, «нет в Европе другой культуры, кроме эллинской, подчинившей себе латинство и доныне живой в латинстве» (Иванов, 1994: 339). С другой стороны, есть варвары, то есть германцы и славяне, которыми эллинская культура до конца овладеть не смогла. «Великая стихия не-эллинизма, варварства, живет отдельную жизнь рядом с миром стихии эллинской. Оба мира относятся один к другому, как царство формы и царство содержания, как формальный строй и рождающий хаос, как Аполлон и Дионис — фракийский бог Забалканья», — утверждает Иванов (Там же). На этом противопоставлении эллинизма и варварства, если говорить немного условно, он выстраивает и противоположность аполлинизма и дионисизма.

Каковы особенности уникального образа славянства? Во-первых, в соответствии с ивановской дихотомией «творческой жизни духа», аполлинизма и дионисизма, славянские народы являются «наследниками» Диониса. Как этнолог Иванов убежден, что хоровой культ Диониса исконно был «богопочитанием балканских славян», а не эллинов. «Племенной гений» славян (Дионис), «экстатический по преимуществу», согласно Иванову, продолжал проявляться в творчестве А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Ф. Шопена, Ф. М. Достоевского, А. Н. Скрябина. Центральным понятием метафизики славянской идеи выступает у него соборность («хоровое согласие», «непринудительное общение») как обретение собственного «я» в целом, как откровение «реального лица» (Иванов, 1985: 205). Он возводит это понятие к древнегреческому *χορός* (групповой танец), относящемуся к культу богопочитания. Во-вторых, «дионисийское племя» ревностно взвешивает христианскому учению и постигает мир через дионисийско-христи-

¹ См., напр. (Малинов, 2019).

анский миф. Однако будущее объединение (примирение) славян, по Иванову, должно состояться в «соборовании в Христовой вере» (Там же: 193).

Мыслитель не питает иллюзий относительно единства славянского мира и отсутствия междоусобных разногласий. В статье «Славянская мировщина» он замечает, что вражда давно сменила «воодушевления» общечеловеческой семьи, и спрашивает: «...что правее: отвлеченное братолюбие или братская свара?» (Там же: 192). Ответ на этот вопрос находим в «Духовном лике славянства»: «Страшны центробежные силы души-мэнады, страшен разымчивый хмель безудержных буйных страстей. Но не менее страшны искушения мертвенного бездушного порядка и приманки извне приемлемого строя...» (Иванов, 1987а: 672).

А. Эткинд пишет об Иванове: «...богатые связи его текстов с образами европейской литературы <...> маскируют для современного читателя то, что было очевидно в первые десятилетия века: неонароднические увлечения Иванова, его националистические, славянофильские и панславистские идеи...» (Эткинд, 2013: 201). Однако замечу вслед за Ф. Степуном в защиту Иванова, что славянофильство он воспринимал не полностью, не со всеми его противоречиями, но «в смысле веры в особенное предназначение всего славянства к посланничеству вселенскому» (Иванов, 1987b: 661). Об Иванове и славянофилах Степун пишет: «В религиозно-философской сфере он ни в коем случае не принадлежал к их лагерю» (Степун, 2012: 332). Современные исследователи справедливо замечают, что под понятие неославянофильства подпадает множество часто весьма отдаленных друг от друга теоретических построений, развивавшихся в XIX–XX веках, поэтому данный термин скорее можно использовать в качестве описательного (Тесля, 2011). Однако есть характерная черта, присущая всем славянофилам, а именно адаптация славянофильских интуиций к современным им социально-политическим процессам (Там же). Иванову, на наш взгляд, абсолютно чужд этот разворот в сторону историософии и политической мысли. Концепты «славянская идея», «русская идея» работают в качестве части его религиозно-философской системы, как символы, закладывающие основу для мифотворчества. Задачи, которые Иванов ставит перед собой, не ограничиваются насущными вопросами государственности, права или истории: «мифическая летопись мира и человека» более истинна, чем история (Иванов, 1979: 112). Как показывает современный филолог А. А. Асоян, адресат статей Иванова — «не столько специфическая интеллектуальная аудитория, сколько национальное самосознание в его наиболее репрезентативных представителях» (Асоян, 2015: 27).

Славянство, или, если говорить более точно, славянская идея (здесь для Иванова принципиален онтологический статус этого понятия) рождается не вследствие выдумки самих славян, созданной ради собственного объединения по политическим или иным причинам, но находит свое начало в боже-

ственной идее: «Не в себе, не в своей самостоятельной совести находит славянский дух начало закона, а единственно в живом Боге» (Иванов, 1987а: 668). Отечественный мыслитель отрицает наличие какого-либо внешнего — бытового или политического — фактора, объединяющего славянские народы. Однако, по его мнению, нельзя отрицать «тяги к объединению» и «сокровенной духовной связи» (Там же: 666). Сокрытость этой тайной племенной связи от самих славян и от других этносов позволяет последним считать, что объединение славян — это искусственная личина, маска, скрывающая под собой отсутствие подлинного «лика славянства».

Согласно Иванову, славянская идея впервые осмысливается в верховной области — в области духа. Мыслителя интересуют не эмпирические черты характера племени, а этнологическое единство. То есть основополагающим оказывается именно единство народа в его духовно-культурной целостности, а не сходство психофизических черт.

Таким образом, онтологическое определение славянской идеи в качестве сущности как таковой отсекает какие-либо попытки отождествить ее с отдельными историческими проявлениями, являющимися лишь внешними выражениями того, что видимо только Богу. Несостоятельность попыток объединить славянские народы при помощи приписывания им некоторого «родового сходства» подтверждается еще и тем, что с такой же легкостью можно найти и обосновать их отличия друг от друга.

Гипотеза Иванова заключается в следующем: существует «духовный лик племени», который есть «метафизическое бытие соборных личностей» (Там же: 667). Метафизическое бытие передано каждому народу Богом и является его замыслом о том или ином народе. Духовная задача этноса, согласно Иванову, таким образом, очевидна: высказывание «окончательного вселенского слова», воплощенного во всеславянском историческом действии (Там же).

Нельзя не остановиться отдельно на определении понятия «вселенскость» у Иванова. В тексте «Вселенское дело» (1914) он пишет:

«Церковь научила нас означать словом “вселенский” нечто, чего не объемлют и огромные слова “мировой” и “всемирный”; его мы употребляем в смысле не внешне-пространственном... “Вселенским” право [то есть в действительности. — А. Д.] именуется то, что не численно относится к совокупности обособленных частей разделенного мироздания, но сверхчувственно знаменует внутреннюю живую целокупность Мировой Души» (Иванов, 1985: 179).

Вселенское — калька с греческого οἰκουμένη, «экуменизм, экуменическое» — вмещает в себя космическое, надпространственное, вневременное, «мир грядущий»

щий». Недаром Иванов противопоставляет вселенской *целокупности* всемирную *совокупность*. Из сказанного можно заключить, что смысл надысторического славянского слова едва ли может быть постигнут изнутри самой истории славянских народов; с точки зрения мировой истории он как бы дробится на отдельные смыслы и ускользает от понимания. Увидеть же этот смысл в его целокупности можно только *sub specie aeternitatis*. Таким образом, значение вселенского слова славянских народов выходит за пределы всемирной истории.

Тема объединения славянских народов, их роли в мировой истории стала по-новому пониматься в годы Первой мировой войны. В текстах, написанных в период с 1914 по 1917 год («Вселенское дело», «Славянская мировщина» «Польский мессианизм, как живая сила» и др.), Иванов раскрывает то, что можно было бы назвать «духовным заветом славянского мира», выявляя религиозно-мистическое понимание мировых событий. Противопоставляя германской воле «вселенское дело» славян, мыслитель, по сути, ставит вопрос о жизни и смерти славянского «племени», решение которого зависит от конкретного исторического действия: воплотится ли «сверхчувственное Слово» в «чувственном историческом подвиге народов» (Там же: 187)?

Следует еще раз подчеркнуть, что идеи Иванова о единстве славянского мира являются частью его культурфилософской системы, в которой задача этноса понимается им в духе В. С. Соловьева, как Божественный завет. Нужно не выдумывать народную идеологию, а прийти к ее пониманию через наблюдение исторических процессов действительной (существующей) идеи:

«Одушевление славянскою идеею почти одновременно вспыхнуло в Чехии, в Польше и в России, и вдохновленные ею назвали у нас славянофилами. Чтобы обосновать постулат славянского творчества, нужно было углубить постижение славянского бытия; но западники в народном бытии видели только феномен национальности. Напротив, сознательно ли, или логически неосознанною, предпосылкою всякого славянофильства служила изначальная интуиция реального бытия великой племенной души» (Иванов, 1987b: 661).

Идея, объединяющая славянские народы, не предполагает никакого детерминизма, так как человеческая свобода воли не ограничена, самоопределение этноса всегда свободно и может быть реализовано во множестве вариантов. Поэтому наличие идеи не препятствует историческому ходу событий, а вопрос о ее соотношении с творимой историей соответствует вопросу соотношения свободы воли и божественного предопределения.

Литература

- Альтман, 1995 — *Альтман М. С.* Разговоры с Вяч. Ивановым. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 366 с.
- Асоян, 2015 — *Асоян А. А.* Вячеслав Иванов — публицист // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, № 6. С. 26–34.
- Зелинский, 2002 — *Зелинский Ф. Ф.* Поэт славянского возрождения Вячеслав Иванов // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / отв. ред.: А. А. Тахо-Годи, Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. 348 с.
- Иванов, 1985 — *Иванов В. И.* Вселенское дело // *Иванов В. И.* Эссе, статьи, переводы. Брюссель: D. Ivanov et Foyer Oriental Chrétien, 1985. С. 179–190.
- Иванов, 1974 — *Иванов В. И.* Две стихии в современном символизме // *Иванов В. И.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 536–561.
- Иванов, 1987а — *Иванов В. И.* Духовный лик славянства // *Иванов В. И.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. С. 666–672.
- Иванов, 1987б — *Иванов В. И.* Польский мессианизм, как живая сила // *Иванов В. И.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. С. 659–665.
- Иванов, 1985 — *Иванов В. И.* Славянская мировщина // *Иванов В. И.* Эссе, статьи, переводы. Брюссель: D. Ivanov et Foyer Oriental Chrétien, 1985. С. 191–194.
- Иванов, 1979 — *Иванов В. И.* Спорады // *Иванов В. И.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 111–134.
- Иванов, 1994 — *Иванов В. И.* Эллинство и варварство // *Иванов В. И.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. С. 339–340.
- Малинов, 2019 — *Малинов А. В.* Язык в политико-географическом учении В. И. Ламанского // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2019. Т. 2, № 2. С. 104–123. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9989> (дата обращения: 08.11.2020).
- Степун, 2012 — *Степун Ф. А.* Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
- Тесля, 2011 — *Тесля А. А.* Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А. А. Киреева 1905–1910 гг.). URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224> (дата обращения: 08.11.2020).
- Эткинд, 2013 — *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция / изд. 2-е, сокр. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 642 с.

VYACHESLAV IVANOV ON SLAVIC IDEA*

Anna A. Doronina

Research Assistant at the International Laboratory
for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue.
Postgraduate student.
National Research University “Higher School of Economics”.
21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.
E-mail: adoronina@hse.ru

Abstract. The article considers the conceptualization of the *Slavic idea* by Vyacheslav Ivanov and reveals the main criteria for Ivanov’s understanding of slavism. An attempt is made to show the philosophical nature of the concept of *Slavic idea* and to find the basis for the philosophical interpretation of this concept by Ivanov. Special attention is paid to the peculiarities of Ivanov’s understanding of the Slavic brotherhood, the discrepancies between his positions and those of the neo-Slavophiles. The article also discusses some of the thinker’s methodological approaches and demonstrates the inclusion of the concept of *Slavic idea* in the Ivanov’s cultural and philosophical system.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Slavic idea, realistic symbolism, Slavic Renaissance, neoslavophilism

For citation: Doronina, A. A., 2020. Vyacheslav Ivanov on Slavic Idea. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 3(4), 158–166.

DOI: 10.17323/2658-5413-2020-3-4-158-166

References

- Al’tman, M. S., 1995. *Razgovory s Vyach. Ivanovym* [Conversations with V. Ivanov]. St. Petersburg: INAPRESS.
- Asoyan, A. A., 2015. Vyacheslav Ivanov — publicist [Vyacheslav Ivanov as a Publicist]. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 14(6), 26–34.
- Etkind, A., 2013. *Hlyst: Sekty, literatura i revolyuciya* [Sects, Literature and Revolution], 2nd ed., abridged. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Ivanov, V. I., 1974. Dve stihii v sovremennom simvolizme [Two Elements in Modern Symbolism]. In: Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 4 vols. Vol. 2. Bryussel’: Foyer Oriental Chrétien. 536–561.
- Ivanov, V. I., 1979. Sporady [Sporades]. In: Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 4 vols. Vol. 3. Bryussel’: Foyer Oriental Chrétien. 111–134.

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University and funded by the Russian Academic Excellence Project “5-100”.

- Ivanov, V. I., 1985. Slavyanskaya mirovshchina [Slavic Reconciliation]. In: Ivanov, V. I. *Esse, stat'i, perevody* [Essays, Articles, Translations]. Bryussel': D. Ivanov et Foyer Oriental Chrétien. 191–194.
- Ivanov, V. I., 1985. Vselenskoe delo [Ecumenical Matter]. In: Ivanov, V. I. *Esse, stat'i, perevody* [Essays, Articles, Translations]. Bryussel': D. Ivanov et Foyer Oriental Chrétien. 179–190.
- Ivanov, V. I., 1987a. Duhovnyj lik slavyanstva [Spiritual Countenance of the Slavs]. In: Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 4 vols. Vol. 4. Bryussel': Foyer Oriental Chrétien. 666–672.
- Ivanov, V. I., 1987b. Pol'skij messianizm, kak zhivaya sila [Polish Messianism as a Living Force]. In: Ivanov, V. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. 4 vols. Vol. 4. Bryussel': Foyer Oriental Chrétien. 659–665.
- Ivanov, V. I., 1994. Ellinstvo i varvarstvo [Hellenism and Barbarism]. In: Ivanov, V. I. *Dionis i pradionisijstvo* [Dionysus and Pradionysianism]. St. Petersburg: Aletejya. 339–340.
- Malinov, A. V., 2019. Yazyk v politiko-geograficheskom uchenii V. I. Lamanskogo [Language in Political and Geographical Doctrine of V. I. Lamansky]. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 2(2), 104–123. Available at: URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/9989> (Accessed 08.11.2020).
- Stepun, F. A., 2012. *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical Worldviewing. Five Images of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
- Teslya, A. A., 2011. *Neoslavyanofil'stvo v period pervoj russkoj revolyucii i stanovleniya "dumskoj monarhii" (po materialam dnevnika A. A. Kireeva 1905–1910 gg.)* [Neo-Slavophilism during the First Russian Revolution and Formation of "Duma monarchy" (based on the diary of A. A. Kireev 1905–1910)]. Available at: URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224> (Accessed 08.11.2020).
- Zelinskij, F. F., 2002. Poet slavyanskogo vozrozhdeniya Vyacheslav Ivanov [Vyacheslav Ivanov as a Poet of the Slavic Renaissance]. In: *Vyacheslav Ivanov — tvorchestvo i sud'ba: k 135-letiyu so dnya rozhdeniya* [Vyacheslav Ivanov — Creativity and Destiny: to the 135th Anniversary of His Birth], ed. by A. A. Taho-Godi, E. A. Taho-Godi. Moscow: Nauka.